

УДК 619(476)(091)

БИЛЕЦКИЙ А.С., аспирант

УО «Гродненский государственный университет им. Я. Купалы»,
г. Гродно, Республика Беларусь

ОСОБЕННОСТИ МЕРОПРИЯТИЙ ПО БОРЬБЕ С ЧУМОЙ КРУПНОГО РОГАТОГО СКОТА НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Предлагаемое исследование позволяет оценить опыт борьбы с данным заболеванием на белорусских землях в первой половине XIX в., а также может побудить к созданию новых или пересмотра уже существующих подходов к ликвидации других опасных эпизоотий.

Первые вспышки чумы рогатого скота на белорусских землях в XIX в. были документально зафиксированы в октябре 1807 г. В рапорте Виленскому генерал-губернатору было донесено, что за сентябрь в Волковысском уезде Гродненской губернии в дер. Незбодичах, Гриневичах, в м. Свислоче пало 233 головы, а за октябрь 1808 г. в м. Клецке и его окрестностях Слуцкого уезда Минской губернии пало 237 голов. В 1809 г. чума обширно свирепствовала в Суражском, Витебском, Городецком и Дриссенском уездах Витебской губернии.

Наиболее крупные падежи там происходили: в господском дворе имения Григориуполь и дер. Мешки Городецкого уезда, где пало в течение осени 235 голов рогатого скота заразившихся от купленных на ярмарке в г. Полоцке нескольких зачумленных коров; в имении Стасево Витебского уезда, где с 16 по 25 сентября пало более 100 голов скота; в имениях Псарцах и Подберезье Витебского уезда, в которых в декабре пало 111 голов рогатого скота от «внутренней болезни».

В первой половине XIX в. заразные болезни появлялись во всех крупных городах Беларуси. В некоторых уездных городах они свирепствовали по нескольку раз, уничтожая все поголовье животных. В сентябре 1829 г. чума была зарегистрирована в г. Гродно, в 1850 и 1851 – в г. Минске, в 1859 – в г. Могилеве, а в 1850 и 1860 – в г. Витебске и уезде.

В вопросе о методах борьбы с чумой существовали две противоположные точки зрения. Часть ученых (П. Иессен и его последователи Ундрец, Земмер и др.) отстаивала ошибочную точку зрения, считая причиной возникновения и распространения этой болезни самозарождение ее в русских степях среди серого степного скота.

В качестве главной меры борьбы с чумой они предлагали чумопрививание. Другая, прогрессивная, группа ветеринарных ученых (И. И. Равич, В. И. Всеволодов, А. Л. Золотовский, Ф. Унтербергер и др.) исходила из теории, что чума может зарождаться среди всех пород крупного рогатого скота, во всех климатах и странах мира, в связи с чем эти ученые считали необходимым ввести убой больных животных. Результаты опытов чумопрививания, предпринятые Иессеном и его

сподвижниками с 1853 г., которые происходили в том числе и в Могилевской губернии, показали невозможность митигации «прививной материи». Однако до окончательного провала опытов в 1863 г., в середине XIX в., ошибочная точка зрения Иессена на этиологию и эпизоотологию чумы пользовалась поддержкой со стороны ветеринарных специалистов и правительства.

В результате прививания наблюдался большой процент отхода привитых животных. Например, в 1845 г. в жалобе на Гродненского старшего ветеринарного врача Д. Маковского губернскому правлению помещик имения Грушово (Кобринский уезд) Радзевич сообщал, что ему «приходилось защищать свой здоровый скот от сомнительного прививания чумы, в результате чего падало в день не 2 – 3 головы, как обычно, а по 20 и более».

На что врачебная управа парировала, что поскольку скот выгонялся на пастбище вместе из разных деревень, то нельзя было различить здорового животного от больного, а значит, следовало всех считать зачумленными. В таком случае медицинская наука того времени советовала прививать всех животных, «ибо тем только можно спасти скот, который в состоянии переболеть и сократить ход болезни».

В 1829 г. Медицинский совет Министерства внутренних дел впервые утвердил наставления «Краткие замечания о чуме рогатого скота». Это наставление было издано в 1830 г. и включено в Свод законов (издание 1832 г., т. 13, кн. 2, в виде приложения XXIII к ст. 1008 Устава медицинской полиции).

В наставлениях указывается, что в борьбе с чумой лечебные средства менее действенны, чем выполнение полицейских предохранительных мер, «без коих никакое лечение не в состоянии искоренить сей болезни». Однако только в 1879 г. правительством Российской империи было законодательно закреплено убивание зачумленного скота.

Тем не менее, на протяжении первой половины XIX в. предпринимались активные попытки найти эффективное лечебное средство в борьбе с чумой рогатого скота. Наряду с симптоматическим лечением, характерным при многих инфекционных болезнях, применялись и специфические, популярные в то время гомеопатические препараты по отдельности или в сочетании с другими лечебными средствами.

Среди них можно выделить, например, такие, как раствор селитры с порошком полыни и генцианы красной; раствор соли марганца-аммония или порошок черной магнезии; порошок трехсернистой сурьмы (антимоний); «рвотный камень» (медь, железо, сернистый аммоний); отвар золототысячника и зверобоя; отвары пырея ползучего, алтея, мыльнянки корня и травы просвирника; «дурной дух» - смесь сладкой ртути (каломели) со смолой и др.

В 1808 г. по белорусским губерниям была разослана брошюра, в которой содержался рецепт изобретенного прусским капитаном Х. Клейстом лекарства, признанного полезным при лечении чумы рогатого

скота. В ней, в частности, приветствовалось употребление минеральных кислот. Эту мысль развил и дополнил Л. Боянус в работе «О способах узнавать и предупреждать болезни на скоте», представленной гражданским губернаторам и врачам литовских и белорусских губерний 2 августа 1810 г. Там он описал новый способ лечения чумы с использованием муриевой кислоты (соляной кислоты) с железными опилками.

Чуть позже свой способ употребления пересыщенной соляной кислоты предложил профессор Пессин, а в 30-е годы XIX в. на наших землях весьма популярным в лечении чумы рогатого скота был метод прусского специалиста Бемма.

Исходя из архивных сведений, чума рогатого скота случалась в белорусских губерниях практически каждый год. Только в первой половине XIX в. мы можем указать не более чем на восемь или девять таких лет, когда во врачебных и полицейских отчетах не было отмечено падежа скота от этой болезни. Но в 1839, 1845, 1849, 1854, 1856 и 1859 – 1860 гг. чума свирепствовала с такой силой, что не оставила в деревнях скотины.

Сильнейшие вспышки чумной эпизоотии были связаны, прежде всего, с возникавшими неурожаями и, как следствие, всеобщим голодом. Наиболее крупные происходили на белорусских землях в 1844 – 1845, а также в 1853 - 1857. Распространению и развитию инфекционных заболеваний способствовали интенсивные перемещения как военных, так и гражданских гуртов рогатого скота в отдельные годы.

От населения тогда требовали строгого выполнения правил борьбы с болезнями. Однако с их стороны наблюдалось невежественное отношение к предписаниям властей: факты о раннем появлении заболевания скрывались не только крестьянами, но и чиновниками на местах, а сообщалось об этом земским полициям, когда уже значительное количество скота пало и болезнь распространилась; трупы павших животных убирались небрежно, часто закапывались крестьянами прямо в хлевах или на том самом месте, где они падали, отчего чума крупного рогатого скота долгое время могла скрываться и заражать в дальнейшем вновь заведенный скот; кожу с павших животных старались содрать и продать; больной скот часто не отделялся от здорового, вопреки наставлениям врачебной управы.

Некоторые жители даже умудрялись продавать мясо больных и павших животных в пищу другим людям, совершенно не думая о последствиях. Следует отметить также безответственное поведение земской полиции. Хотя по документам и принимались все необходимые меры, однако на деле они в лучшем случае неаккуратно исполнялись, как по несклонности к ним местных жителей, так и по совершенному нежеланию за ними наблюдать и следить сотских и десятских.

Таким образом, несмотря на все усилия ветеринарных ученых и специалистов, им так и не удалось применить на практике эффективные меры по борьбе с чумой крупного рогатого скота в первой половине XIX в.